

Однажды к самому уважаемому одесскому ювелиру Карлу фон Мелю пожаловала очаровательная молодая дама, явно из высшего света. Представившись женой известного психиатра, она выбрала самые изысканные и дорогие украшения. Фон Мель и не догадывался, что перед ним великая воровка Сонька Золотая Ручка. И что он окажется втянутым в одну из самых скандальных афер XX века.

В этой книге — истории о королевах одесских банд. Сонька Золотая Ручка, «баронесса» Ольга фон Штейн, юная Маргарита Дмитриевская по кличке «Кровавая Маргаритка»... Кто они? Жестокие предводительницы преступных группировок, легендарные мошенницы и аферистки или просто женщины, изящно мстившие миру за сломанные судьбы?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5758-0

9 786171 257580

Ольга Вяземская
ВОРОВКА
КОРОЛЕВЫ БАНДИТСКОЙ ОДЕССЫ

Ольга Вяземская
ВОРОВКА
КОРОЛЕВЫ БАНДИТСКОЙ ОДЕССЫ

ВОРОВКА

КОРОЛЕВЫ БАНДИТСКОЙ ОДЕССЫ

Ольга Вяземская

ВОРОВКА

КОРОЛЕВЫ БАНДИТСКОЙ ОДЕССЫ

УДК 821.161.1.0
В99

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5758-0

- © Лесовикова Е., 2019
- © Depositphotos.com / glaz, rod_julian, sdigital, ysbrand, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

История первая

ПРИЧИНЫ ВСЕХ ВОЙН

Изящная дамская ручка в тонкой черной перчатке подтолкнула по полированной поверхности обширного стола плотно сбитую пачку ассигнаций.

— Не извольте сомневаться, сударыня, — толстые пальцы (на одном блестел перстень, довольно крупный черный самородок) ловко сгребли деньги. — Приглашение на бал по случаю тезоименитства... Именное. Только вот канцелярист нерадивый имя-то вписать и забыл. Вы уж не взыщите — молодость есть молодость...

— Понимаю, — грудной голос дамы был под стать ее богатой одежде — волнующий и мягкий. — О чем только не думаешь, пока молод... Мой секретарь с легкостью исправит ошибки вашего канцеляриста. Благодарю.

Поправив чуть приподнявшуюся густую вуаль, дама встала и прошествовала к двери. Тучный хозяин кабинета вздохнул: удивительная женщина, потрясающе таинственна... К тому же, вероятно, и влиятельна. Верно, связи имеет в кругах, близких к самому государю. Или к старцу. Хотя... обычно протеже Распутина выглядят иначе.

— Всего хорошего, ваше превосходительство, — раздалось от порога.

— Всегда готов к услугам, ваше...

Но гостья уже захлопнула дверь, и кабинет опустел — лишь витал в воздухе неповторимый аромат духов незнакомки, чуть терпкий и удивительно свежий. Хозяин же кабинета, забывшись, размечтался о вещах, несовместимых ни с мундиром, ни даже со стенами этого серого здания, смотрящего на Первую линию и Неву.

Придя в себя, он опустил в кресло. «Но кто же все-таки эта удивительная дама? И голос... Боже милосердный, что за голос... Услышать его в полумраке спальни — и больше нечего уж и желать. Да что это я? Не по чину, поди, рот-то разинул...»

Толстые пальцы сжали рукоять колокольчика.

— На сегодня прием окончен, — сообщил он тотчас вошедшему адъютанту.

— Будет исполнено, — адъютант поклонился. Приемная уже и так была пуста — не придется объясняться ни с плачущими вдовами, ни с овдовевшими прапорщиками, ни с интендантами, внезапно нашедшими прорехи в накладных, как было третьего дня, когда к его превосходительству явились господа в серых вицмундирах и стали расспрашивать о мелком чине из Генерального штаба. Как бишь его... Теплов... Треплов... «О, Тернов! — мысленно хлопнул себя по лбу адъютант. — Моль-Тернов, как же-с... вылетело из головы». А все она, незнакомка под вуалью. От духов ее до сих пор голова сладко кружилась...

— И еще, голубчик... — изволили его превосходительство. — Не в службу, а в дружбу. Кто рекомендательное письмо подписал для дамы, что вышла от меня? Напомни.

Адъютант изумился. Чтобы его превосходительство такие вещи забывал — не случалось подобного раньше. Тем более что и письма-то никакого не было. Лишь коротенькая записочка со всего-то двумя словами: «Принять незамедли-

тельно!» И подпись, украшенная завитушками столь обильно, что и буквы-то различались с трудом.

«Эх, и эту фамилию запомнил я... Что ж такое с головой-то творится?»

Решив, что не будет ничего дурного в крошечной лжи, адъютант опустил глаза, а потом многозначительно поднял их к потолку, щедро украшенному лепниной.

— От него самого?! Или того, постарше? — хозяин кабинета разве что за сердце не схватился.

Адъютант молча кивнул — дескать да, «постарше». Хорошо, что дама еще в приемной записку из его пальцев вынула и в ридикюль спрятала. А уж кого имел в виду его превосходительство — пусть на его совести остается. Ведь он, адъютант, не сказал ни слова.

Хотя рекомендательные письма, конечно, следует регистрировать... «Однако же не все, — мысленно усмехнулся адъютант. — Не все...»

Иногда, и это, увы, правда, адъютант именно за отсутствие записи в огромной книге посетителей деньги от господина генерала получал. Особенно в тех случаях, когда к его превосходительству на прием являлись *особые* посетительницы. Да и как их прикажете записывать? «Мещанка П. из дома на Фонтанке»? Или «купчиха Ф. с Большой Съезжинской, вдова»? Этой вдове-то едва двадцать исполнилось, помнится...

— Ну да Бог с ним, друг мой, — легко махнул рукой хозяин кабинета. — День сегодня выдался непростой, пора и по домам...

Адъютант, штабс-капитан Глебов, молча поклонился и пошел к двери. Вскоре, он это знал, к парадному подъезду подкатит экипаж и генерал тяжело взберется по двум решетчатым ступенькам. А после, как экипаж повернет с набережной на Перспект, можно будет и ему, Глебову, домой собираться.

Стараниями генерала — хотя, вероятно, его превосходительство этого вовсе и не желал, — адъютант мог позволить себе снимать неплохую квартиру в доходном доме в самом центре столицы. Его соседями были люди с именем, род которых терялся в седой старине. И тут он — выскочка, столичный житель без году неделя, всех заслуг — разве что награды за Балканскую кампанию.

— Однако же, судари мои, — пробормотал штабс-капитан Глебов, — не одними медалями можно гордиться в этой жизни. А вот место доходное... да благоволение самого генерала — да, это многого стоит.

Хотя, по совести-то говоря, генерал ему самой жизнью обязан. Разве мало в ту же кампанию было поручиков? А заслонить от пули высокопоставленного офицера не каждый бросался. Глебов же, тогда еще желторотый поручик, только что получил новенькие погоны.

«Да Бог с ним, с прошлым, — штабс-капитан натянул шинель. — Сегодня все хорошо... В мире царит спокойствие. Относительное, конечно. А ежели где и воюют, так это уж не в наших пенатах. Даже япошки что-то попримолкли. Видать, на слово царя Николая Александровича надеются...»

Адъютант вышел на набережную. После кабинета ему показалось, что на улице промозгло. Но уже через несколько минут, когда утих прохладный ветерок с Невы, затерявшийся в двухсотлетнем лабиринте улиц Санкт-Петербурга штабс-капитан Глебов почувствовал, что согрелся. Май в этом году выдался непростым. Вон завтра Никола Летний — вскоре уже лето запоет, позовет в Стрельню или Царское Село, а он все даже за город погулять никак не выберется...

Внезапно что-то обеспокоило штабс-капитана. Запах... Тот самый, удивительный, ни на что не похожий аромат духов неизвестной просительницы. Должно быть, она про-

ходила тут не так давно... Необыкновенная дама! Как таинственна, как притягательна...

И пусть штабс-капитан Глебов не видел лица просительницы, но шарм, голос и этот колдовской запах дорисовали картину необыкновенной красоты.

А рекомая дама и впрямь проходила здесь буквально несколько минут назад. Если бы Глебов не остановился полюбоваться серо-голубыми морщинками Невы, он бы непременно столкнулся с незнакомкой здесь, у входа в известную всему Санкт-Петербургу шляпную мастерскую.

* * *

— ...и непременно к завтрашнему утру!

— Но, сударыня, сие просто невозможно! Одних перьев сколько понадобится, да тесьмы, да брошей...

— Друг мой, если я говорю «надо», то это значит «надо», — с подчеркнутой важностью произнесла дама. — Уж поверьте, любые расходы будут ничтожны по сравнению с моей благодарностью...

— Будет сделано, сударыня, — поклонился приказчик, тихо вздохнув. Предстояли нешуточные хлопоты. Но заказчица была не из простых. Неведомо, из каких верхов спустилась на Першпект незнакомка под вуалью. А уж вкус какой продемонстрировала...

«Должно быть, птица самого высокого полета. Не зря же вуаль такую густую надела. Да и торопится, поди, не просто так. Сказывают, прием по случаю тезоименитства вскоре... Ох, непростая дама-то».

И приказчик, послунив химический карандаш, вписал в амбарную книгу несколько строк.

— Уж сам ее заказом займусь. Поди, не прогадаю.

Тем временем дама в шляпке с густой вуалью уже пересекла Невский проспект и с довольной улыбкой вошла

в парадный подъезд доходного дома. Здесь она обычно квартировала зимой. Нынче же весной, после отдыха на водах в Куяльнике, решила, что в городе ей будет лучше, чем в загородном поместье.

Кивком ответив на приветствие горничной, дама вошла в гостиную и только теперь сняла шляпку. Поправила строгую прическу и позвонила в колокольчик. Пора была пить кофе, как обычно в это время дня. И, конечно, если не мешали визиты, которые могли нарушить такой удобный распорядок дня.

А уж за кофе-то не грех вспомнить приятнейшее время в Куяльнике и теплой (уж куда более теплой, чем столичные предместья) Одессе. Да, это была необыкновенная зима. Барон, душка, возвращаться в Россию отказался наотрез. Да оно и к лучшему. И ему спокойнее, и ей вольготнее...

Дама застегнула домашнее платье и улыбнулась своему отражению в зеркале. С юности, увы, далеко не богатой, она привыкла все делать сама — и прическу укладывать, и платье подгонять, и кофе варить. Рассказывали, что даже в Смольном всему этому учат, уж каких оттуда великосветских львиц ни выпускают... Однако Оленька родилась не в дворянской семье, а потому о Смольном, даже если бы папенька был богач, ей и мечтать не приходилось.

«Оно и к лучшему... Мечтать весьма неразумно, да и скучновато. Жизнь порой и сама такие подарки делает, что только диву даешься, ни в каких мечтах сего не увидишь».

В малой гостиной было уютно: потрескивали дрова в камине, пах кофе. На каминной полке выстроились затейливые сувенирные тарелки, привезенные баронессой из странствий, счет которым уже шел на третий десяток.

Мысленно баронесса вновь вернулась в теплую Одессу. Об этом окраинном городе у моря все чаще доносились скандальные слухи. Хотя, говоря по чести, чаще-то слухи

вовсе не слухами оказывались — от затейливой выдумки некоего господина Мишица даже банки сытой и спокойной Швейцарии урон понесли. Вот тогда баронессе Ольге и подумалось, что грех такой город вниманием обходить. Не одному Мишицу, поди, там место найдется...

Баронесса прихлебывала вкусный кофе и припоминала историю банковского скандала, случившегося прошлым летом и в Одессе до сих пор преотлично памятного. Еще бы, сумма-то убытка была просто огромна — почти миллион рублей! Причем сами одесситы имя «главного режиссера» аферы отлично знали, только полиция по сей день пребывала в неведении.

«Глупцы... — усмехнулась баронесса. — А впрочем, возможно, не так уж они и глупы, денежки, как говорится, не пахнут. Так что расследование можно вести сколько угодно, все не находя и не находя того, о ком знает последний мальчишка на Пересыпи...»

Баронесса взяла щипчиками пирожное, положила на тарелочку, глотнула кофе. Точь-в-точь такие же крошечные профитроли подавали в одесском «Гранд-отеле», что напротив ныне пустующего здания банка «Морской кредит»...

* * *

Ранним майским утром 1902 года у трехэтажного здания, переданного пароходством братьев Голиковых в градское управление, собралась немалая толпа. Свежевымытые окна сверкали, вывеска, установленная, судя по всему, прошлой ночью, возвещала о том, что особняк бывшего пароходства ныне суть банк «Морской кредит».

Уже несколько дней на первых полосах газет можно было найти уведомление о том, что открывается новый банк, который обещает индивидуальный подход к каждому клиенту и неслыханно высокие проценты по депозитам. Однако

до поры до времени ни адреса, ни даже намека на то, кто же будет управляющим нового заведения, на страницах всезнающего «Одесского листка» отыскать не удавалось.

И только накануне открытия наконец появилось скромное объявление, что банк «Морской кредит» с завтрашнего дня, то бишь с 17 мая 1902 года, ежедневно ждет «господ негоциантов» и прочий люд. Кроме даты и времени работы, «господа негоцианты» наконец узнали и адрес нового заведения — Большая Портовая, 3.

Поэтому, собственно, уже в первый день работы перед банком выстроилась солидная очередь «господ негоциантов» и прочих посетителей, желающих положить деньги под высокий процент. Процент и в самом деле был немалым — почти в два раза выше, чем давали иные банки, и даже более чем в три раза выше, чем предлагал чопорный «Британский королевский морской банк».

Не уменьшились очереди и на следующий день, и через неделю, и даже по истечении месяца. Вскоре к тем, кто желал положить деньги под высокий процент, присоединились и те, кто желал уже этот процент получить. Добившиеся своего счастливицы выходили из здания на Большой Портовой с какими-то отстраненными улыбками.

— Удивительно, голубчик, — в который уж раз повторял один солидный господин другому. — И выдали без проволочек, и все до копейки посчитали. И — вот уж чудо в наших пенатах — даже комиссию брать клерк отказался. Сурово так глянул и отказался. Уж как ему деньги ни предлагал...

— Что вы говорите... Вот так прямо и не взял?

— Таки не взял, говорю же! Да еще и «не положено» буркнул...

— Не может быть... В Одессе таких служащих днем с огнем не найти.

— Но, быть может, хозяин банка служащих издалека выписал?

— Помилуйте, батенька! Выписать-то он мог, но вот не слышал я, чтобы в империи под водительством государя Николая имелся бы хоть один город, где чаевые да комиссию брать отказывались.

Осчастливленный господин в ответ только молча плечами пожал: он тоже о существовании такого города не слышал. Однако вот только что своими же глазами видел: и служащий тихий такой, лицо серое, и сам какой-то сероватый, невидный, а поди ж ты — гордо так глянул и к ассигнации даже не притронулся.

В изумлении от педантичности и нестяжательства служащих нового банка прошел целый месяц. Очереди меньше не становились — уже и из соседних городов стали приезжать господа с туго набитыми бумажниками в надежде заработать лишнюю копейку. И господа эти видели уже вдвое больше счастливых, получивших проценты безо всякой мзды, обязательной в прочих департаментах.

— Это просто неслыханно! В существование такого заведения и поверить-то невозможно. Так и хочется протереть глаза, чтобы убедиться, что не спишь.

Но прошел еще месяц, и... банк лопнул. Вчерашние счастливики стояли со скорбными лицами, с удивлением перечитывая снова и снова изрядно потрепанное свежим морским ветром объявление. Написанное от руки, оно гласило, что банк третьего дня свернул свою деятельность на территории Российской империи, а все желающие могут обратиться за компенсацией в работающий на соседней улице банк уважаемых господ Мамонтовых.

Конечно, можно не упоминать, что в рекомом заведении ни о каких компенсациях и слыхом не слыхивали. Более

того, дюжий швейцар уже к концу первого дня выдворял обиженных просителей по одному только знаку бровей кассира. Возмущенные горожане дошли с прошениями до самого градоначальника. Тот вызвал к себе начальника городской полиции и уже через час взирал на невзрачного человечка. Именно он, по словам полиции, и открыл банк, взяв в аренду здание на Большой Портовой. Он лично нанимал людей и даже из своих рук выдавал им жалованье.

Но радость полиции была, конечно, преждевременной — человек честно признался, что его наняли на должность управляющего всего за неделю до открытия банка. И что он видел хозяина всего один раз, а далее получал от него распоряжения только в письменном виде. Якобы хозяин увидел в невзрачном господине «человека знающего и надежного», а потому спокойно передал ему бразды правления, а сам отбыл в Европу.

Градоначальник и полицмейстер переглянулись: изловленный господинчик не выглядел ни знающим, ни надежным.

— Откуда же брались средства на выплату жалованья? — осведомился градоначальник, буравя его глазами.

— Строго по указанию хозяина, — прошелестел бывший управляющий, — из денег, что посетители приносили...

— А на аренду? Оборудование хранилища? Прочие расходы?

— Оттуда же, ваше превосходительство, — отвечивал управляющий. — Да и расходов-то прочих немного было: перья, столы да бланки банковские...

— А вырубку куда девал, шельмец? — не выдержал полицмейстер.

— Еженедельно отсылал вот по этому адресу... — Невзрачный человечек протянул через стол листок бумаги. — И все квитанции о переводе сохранил. Вот-с, извольте.

На листке значился адрес посреднической конторы в Бухаресте...

Усы господина полицмейстера встопорщились, как у расерженного кота. Только присутствие градоначальника сдерживало его от резких слов и не менее резких действий. Сам же градоначальник рассматривал засаленную конторскую книгу, в которой управляющий бисерным почерком записывал все поступления и траты.

— Но какого же лешего ты, шельмец, банк закрыл? — прошипел полицмейстер, мечта глазами грома и молнии.

— Так распоряжение же получил, ваше превосходительство, — пожал плечами бывший «управляющий». — Велено было рассчитаться с конторщиками, взять себе положенное жалованье да проценты за усердие. А остальное отослать господину хозяину...

— И сколько же ты себе процентов взял, шельма?

— Пять рублей, вашество. Вот тут, в конце страницы, все записано.

Полицмейстер тяжело вздохнул. И по жилью «управляющего», и по нему самому было видно, что тех чудовищных денег, которые принесли в банк доверчивые граждане, у него нет и не было никогда. А градоначальник с не менее тяжелым вздохом закрыл конторскую книгу: и без всех этих подробнейших записей было ясно, что денежки исчезли безвозвратно... Утекли, как вода сквозь пальцы...

«Управляющего», конечно, посадили в кутузку. Но вот толку от этого не было ни малейшего...

Эту историю баронессе поведал высокий господин с седной на висках, с которым она познакомилась в Петербурге на последнем осеннем балу. Конечно, господин сыщик не назвал Ольге ни одного имени, признавшись только, что все последующие поиски уперлись в череду посреднических контор. След же почти миллиона рублей потерялся окончательно.

— Сказывали, баронесса, — понизил он голос, — что после сей аферы в Одессе трое застрелились, один повесился и еще один человек вроде бы в бандиты подался.

Баронесса подумала, что и покончивших с жизнью, и подавшихся в бандиты должно быть поболее. История ей показалась забавной. Несложное расследование, которое Ольга смогла провести с помощью своих людей (которых, увы, трудно было бы признать строго следующими законам), почти сразу указало ей на истинного автора «этой забавной проделки» (так баронесса окрестила историю с «Морским кредитом»).

Автор оказался настоящей «темной лошадкой» — некий господин Мишиц, вроде бы болгарин, хотя, возможно, и македонец, появившийся в Одессе буквально ниоткуда. Известно было, что живет он в Южной Пальмире вполне легально, содержит два весьма уважаемых брачных агентства, вхож в свет и даже в дом полицмейстера. Баронесса лишь сомневалась: разве стал бы столь известный в городе человек так открыто подставяться... Но самые разные источники в один голос указывали именно на него. Правда, ни один из этих источников не подтвердил бы своих слов ни в одном официальном кабинете.

Баронессе «проделка» понравилась необыкновенно. Где-то там, на юге — Ольга буквально кожей почувствовала это — появился равный ей по предприимчивости и разуму. Да, с таким не грех было бы и познакомиться. Но, увы, сие невозможно — баронесса отлично это понимала. Однако если нельзя встретиться с человеком, придумавшим такую премилую шалость, то это не значит, что ее нельзя запомнить.

И баронесса, конечно, проделку запомнила. А собравшись на воды в Куяльник, решила, что не грех будет ее повторить. Но, разумеется, куда изящнее и тоньше.

* * *

Собственно, на водах она пробыла неделю, может быть, на пару дней дольше. Прогуливаясь у бювета и по дорожкам парка, она мысленно прикидывала, как лучше все устроить, каких людей нанимать да к кому за покровительством обращаться. И получалось, что покровителей следует искать как раз где-то здесь, на водах, или же в высшем свете Одессы. Людей же, которые «банк откроют», — совсем в иных местах...

Рождество в Одессе было ветреным и сырым — как и весь декабрь, собственно. Центральная часть города по вечерам сияла огнями театров и домов знати, но здесь, на Молдаванке, все было иначе. Фонари-то горели, да и свет из окон лился. Вот только ощущение опасности было невероятно сильным — казалось, что за каждым углом притаилось по бандиту. Ольга никогда не считала себя робкой девицей, но сейчас ей было страшно... просто как никогда раньше.

«Господи, ну кто меня заставлял? Неужели я бы не смогла с ним договориться в каком-нибудь другом месте?»

— Я таки извиняюсь, дамочка... — вдруг раздался из полутьмы тихий мужской голос. — Вы, вся такая приличная с виду, что-то забыли в наших суровых краях?

Говоривший вышел под свет фонаря и оказался почти мальчишкой — невысокий, ладный, с кривоватой усмешкой и то-о-оненькими усишками. Ольга усмехнулась про себя: так вот чего она боялась? Но, присмотревшись, все-таки вынуждена была признать: этого неказистого с виду парнишки и правда следовало опасаться. Так же как и его патрона, имя которого не следовало произносить не только в приличном обществе, но и вообще не следовало.

— Мне было бы желательно переговорить с господином э-э-э... Котом, — отозвалась баронесса.

— Я таки понимаю, шо не со мной, пацаном сопливым. И шо передать Коту, шо за мадамочка к нему на разговор набивается?

— Меня зовут Ольга ... Вот, передайте ему записку, — и баронесса протянула «сопливому мальчишке» свою визитку, на которой очень влиятельный в здешних местах Князь набросал несколько слов.

Парнишка бросил на визитку беглый взгляд:

— Давайте, мадамочка, я таки провожу вас в более чистую часть города. Кот найдет вас, не извольте сомневаться.

— Благодарю, друг мой ...

Парнишка усмехнулся и более не сказал ни слова. Да и провожением это можно было назвать лишь с большой натяжкой. Ольга осторожно шла по узкому тротуару, посыльный же шагал в паре шагов позади. Его вроде и не было рядом — однако не было и ощущения, что из-под каждой подворотни тебя провожают недобрые взгляды и поблескивает во тьме заряженное отнюдь не холостыми оружие.

Показался Приморский бульвар — ярко освещенный, несмотря на почти наступившую полночь. По нему флировала богатая публика, на крошечной эстраде, не обращая внимания на предрождественскую сырость, играл полковой оркестр.

За Ольгиной спиной больше не было слышно шагов — провожатый исчез. Однако теперь она в каждом встречном мужчине подозревала того, кого пришлет ей неведомый Князь. И это было ощутимо неприятно.

Баронесса подумала, что, похоже, зря пожелала быть самой умной и самой хитрой. Зря решила, что такое может быть по силам обычной женщине. Но тут же сама себя одернула — уж она-то, баронесса Ольга, обычной женщиной точно не была!

Праздная публика не замечала Ольгу. Баронесса шла мимо парочек, суровых господ военных, торговков цветами, открытых в этот поздний час чайных и кондитерских.

Пахнуло морем. Хотя, может быть, она просто успокоилась и потому наконец ощутила прикосновение ветерка к лицу... Однако, увы, ни теплым, ни отрадным это прикосновение назвать было нельзя. Декабрь есть декабрь, даже на юге Империи. Хотя, конечно же, этот зимний месяц здесь, в Одессе, был совершенно не таким, как в ее родной Стрельне.

В провинции все замирало, едва садилось солнце, словно вместе с солнечным светом уходила и сама жизнь. Иное дело столица. Тут жизнь бурлила всегда, однако насколько приятнее были балы, визиты, вечерние приемы... Одним словом, все что угодно, но в уютных залах или гостиных, а не на заснеженных улицах.

А вот в Одессе — щедрой, уютной, гостеприимной в любое время года, равно как и в любое время дня и ночи, — было не так.

— Гостеприимной... — вслух повторила баронесса и сама удивилась своим словам.

— Баронесса Ольга, милочка! — послышалось вдруг. — Какими судьбами?

Ольга повернулась на голос. Это была маркиза Вревская, некогда миловидная и стройная, некогда хозяйка самого роскошного салона, некогда фрейлина, некогда коварная соблазнительница и владелица изрядной коллекции разбитых сердец. Увы, все это осталось в прошлом. Нынче же далеко не юная баронесса могла похвастать только знаменитым салоном и невероятным количеством знакомств и связей.

И Ольга поняла, что судьба дала ей тот самый шанс, вернее, ту самую возможность обыграть хитреца Мишица.

— Душенька! Как я рада нашей встрече! — Ольга подставила престарелой маркизе щеку для поцелуя.

Конечно, это было вопиющим нарушением всех правил приличия и представлений о дозволенном. Но до столицы отсюда далеко — тут, вдалеке от снобистского света, можно было позволить себе немало вольностей.

— Душенька, присаживайтесь к нам! Пирожные здесь просто необыкновенно хороши, да и мускат отменнейший ...

Ольга подумала, что на месте маркизы не стала бы усердствовать ни со сладким, ни с мускатом. Но в чужой монастырь со своим уставом... И, улыбнувшись, присела на краешек изящного стульчика под колышущимся на ветру полосатым навесом-«маркизом».

— Обожаю Одессу, здесь Рождество столь изумительно, столь... необыкновенно...

— Во Франции было бы много лучше, полагаю, — проговорил один из спутников маркизы. Проговорил весьма раздраженно.

— Ах, друг мой! Вечно ты всем недоволен, — с досадой протянула Вревская. — Вспомни, каким скучным было прошлое Рождество. Именно во Франции, столь тобой обожаемой.

— Ну отчего же, матушка Мария Изяславовна! Премило было...

Ольге подумалось, что этому незнакомцу, раза в два моложе Вревской, и впрямь было много веселее в богатой на двусмысленные развлечения Франции, чем его престарелой спутнице.

— Однако же, друг мой Ольга, я здесь совсем позабыла о приличиях. Позвольте представить вам моего супруга.

Мужчина с недовольным видом привстал со стула (что было просто вопиюще невоспитанно), пожал узкие пальцы баронессы, затянутые в роскошную лайку, и кивнул.

— Мирский, Всеволод... Весьма рад.

— Аншанте¹, господин Мирский. Простите, не расслышала вашего отчества ...

Ольга позволила себе добавить яду в голос — она припомнила, какой скандал разразился в свете два года назад, когда маркиза в очередной раз выходила замуж. Оказывается, слухи не соврали — новый спутник жизни маркизы был, что называется, выскочка, нувориш. Выходец с Урала, он не мог похвастаться ни древностью рода, ни приличными предками. Однако купцы Мирские были невероятно, чудовищно, скандально богаты. Чем, увы, сама маркиза давно уже похвастать не могла. Однако почему же богатея купец прельстился сомнительными прелестями маркизы — этого свет понять не мог. Правда, признаем, и не пытался.

Ольга же сейчас увидела разгадку этой, в сущности, не такой уж и большой тайны — маркиза знала добрую половину света. И ее знали все. Господин Мирский просто женился на связях, которые позволили ему еще более расширить свои купеческие амбиции, обретя не только влиятельных покровителей, но и весьма широкий рынок сбыта, — любому торговцу приятно в разговоре вскользь эдак заметить, что его поставщик не какой-то там ... а, представьте, супруг всемогущей маркизы Вревской.

Хотя, возможно, все обстояло с точностью до наоборот. Правда, как бы то ни было, господин супруг явно не отказывал себе в разнообразных шалостях. А вечно недовольную мину носил, чтобы показать, кто на самом деле глава семьи ...

«Вероятно... быть может, я и неправа... да и Бог с ним. Неприятный тип, скользкий...»

Однако баронесса, что бы ни думала, продолжала мило улыбаться. Бог его знает, пригодится ли знакомство

¹ Приятно познакомиться (фр.). Типичная формула при знакомстве. Буквально: очарован, обворожен.

с «неприятным типом» и если пригодится, то когда. Богат скользкий тип сказочно... И баронесса еще раз улыбнулась — именно супругу госпожи Вревской. А затем все внимание перенесла на престарелую красавицу — нынче Ольге куда нужнее была сама маркиза с ее немалыми связями при дворе.

— Душенька, Мария Изяславовна! Вас мне сам Господь Бог послал...

— Ах, вы мне льстите, баронесса! — кокетливо смутилась Вревская. — Папенька мой был далеко не ангел... О божественном же и речь не шла.

Ольга улыбнулась: маркиза любила мило пошутить. Хотя папенька ее, по слухам, был и впрямь так же далек от божественного, как прекрасная Северная Пальмира, сиречь Санкт-Петербург, от Пальмиры Южной, Одессы.

— Маркиза, — лениво протянул господин Мирский. — Ваши шутки устарели еще в прошлом веке... Как и вы...

Маркиза рассмеялась, а Ольга с опаской глянула на супруга всесильной маркизы. Что он себе позволяет?!

Но тут этот самый супруг подмигнул баронессе. Ольга перестала вообще что-либо понимать. Маркиза продолжала весело улыбаться и смаковать мускат, ее муж, отойдя на пару шагов к балюстраде, курил сигару. Внизу тихо вздыхало декабрьское море, над шляпками дам и головными уборами господ шевелились веера пальм.

«Должно быть, я слишком долго пробыла в столице, — объяснила себе баронесса. — Настолько, что перестала понимать рискованные шутки, принимая семейную пикировку за чистую монету...»

— Но что беспокоит вас, Оленька? — участливо поинтересовалась маркиза. — Надеюсь, не здоровье?

— К счастью, нет, Мария Изяславовна. Я здесь на водах, но более оттого, что устала от холодной столицы.

— И предпочли ей холодную зимнюю Одессу... — подняла брови собеседница.

— Много более теплую, чем Санкт-Петербург, — согласно кивнула Ольга.

— Пусть так. Но что же вас привело ко мне?

Ольгу так и подмывало сказать, что ее привел на Приморский бульвар бандит, которого послал другой бандит. Но этого явно говорить не следовало.

— Матушка Мария Изяславовна, вы все шутите. Между тем у меня есть весьма серьезное и, по секрету между нами, довольно выгодное предложение. И для вас, и для... — выразительно подняла глаза горé Ольга, — иных господ. Дело пахнет прибылями, и весьма нешуточными. Миллионами...

Последние слова баронесса Ольга прошептала едва слышно. Но их уловила не только маркиза. Господин Мирский мгновенно преодолел те несколько шагов, которые отделяли балюстраду от их столика.

— Я не ослышался, баронесса? Миллионами?

— Не ослышались, господин маркиз...

Маркизом был второй супруг всемогущей Марии Изяславовны, господин же Мирский стал ее пятым спутником жизни. Однако что плохого в том, чтобы слегка польстить безродному богачу?

— И что это за дело с таким приятным ароматом?

— Не хотелось бы мне при всех обсуждать сей предмет, — деланно опустила глаза Ольга.

— Так за чем же дело стало? — это уже заговорила маркиза. — Приходите завтра же к чаю, мы принимаем после пятого часа. Там все и обсудим. Быть может, — подняла она вверх пальцы в тонкой черной перчатке, — столь уважаемые покровители нам и не понадобятся.

«Делиться не хочешь, старуха, — про себя усмехнулась Ольга. — Правильно делаешь. Только вот без этих покровителей дело вряд ли выгорит...»

— Увы, маркиза. Боюсь, что без них не обойтись. Но ежели нам повезет, то прибыли будут такими, что с любым покровителем можно поделиться, да не в ущерб себе...

— Хитрите, милочка... Что ж, пусть будет так. Значит, жду вас завтра после пятого часа. Вы правы, прилюдно обсуждать дела суть моветон. Пойдемте, Всеволод. Этот ветер меня утомил...

Господин Мирский подал руку супруге, и пара направилась к гостинице «Лондонская», где маркиза снимала целый этаж. На полпути «маркиз» обернулся и снова подмигнул баронессе Ольге. Изумление ее было так велико, что она... подмигнула в ответ.

* * *

Рандеву за чаем оказалось столь удачным, что уже через неделю помощники баронессы Ольги (они же защитники, они же соглядатаи), которых прислал всесильный Князь, подыскивали подходящее здание, которое можно было бы получить внаем на несколько лет. Сама же баронесса Ольга, конечно, в этой суете участия не принимала. Однако ее часть работы была более чем непростой — она делала бесконечные визиты приятелям, друзьям, недругам, заклятым врагам и просто шапочным знакомым маркизы Вревской. Имя Марии Изяславовны было поистине волшебным ключом — баронесса стала своей в столь высоких сферах, о которых и мечтать не смела, когда выходила замуж за барона фон Штейна.

В один из последних дней февраля 1903 года баронессе попала на глаза невесть какими путями оказавшаяся в ее номере старая газета «Новости дня». Мало того, что газета была почти двухлетней давности, так еще и московской.

Баронесса скользнула глазами по заметке и поначалу не придала ей особого значения.

Английская пресса старательно запугивает Россию войной с Японией. Times пишет, что Япония уже сделала свои представления России относительно захвата Маньчжурии. Газете Morning Leader одной Японии кажется мало, она утверждает, что сразу четыре державы, а именно: Япония, Англия, Германия и Франция — протестовали против русско-китайского соглашения. Корреспондент Daily Mail из Иокогамы сообщает, что очень многие влиятельные лица, между ними князь Конуи, президент палаты пэров, виконт Аони, бывший министр иностранных дел, и другие стоят за наступательную политику и считают войну с Россией необходимой...

— Странные люди... Что этим господам на островах за дело до России и тем более до Маньчжурии?

Баронесса отбросила газету и принялась за кофе: день обещал быть богатым на события, следовало подготовиться.

И уже на следующее утро распахнул свои двери банк «Империял. Одесса — Стамбул. Порто-франко. Кредиты Романова». Банк о себе не кричал, невероятных процентов не обещал. Солидные люди не торопились открывать в нем счета и уж тем более не стояли в очереди. Однако имя Романовых на вывеске делало свое дело. В Одессе довольно часто можно было найти упоминание августейшей семьи на самых разных вывесках, но банк «Империял» не зря поставил его на свою неброскую, темного дерева, но достойную вывеску — со временем все больше людей стало склоняться к мысли, что покровителем банка и в самом деле был один из членов августейшей семьи — дядя императора Николая...

Ольгу представили Владимиру Александровичу на февральском балу, который по случаю близящегося окончания

зимы давала маркиза Вревская, — она сменила гостиницу «Лондонская» на особняк в Куяльнике. И где же, скажите на милость, еще давать последний зимний бал, как не на водах у моря?

Князь рассеянно раскланялся с Ольгой и перешел к иным занятиям. Но этого оказалось достаточно для того, чтобы нанятый фотограф успел сделать снимок, где член августейшей семьи за руку здоровается с уважаемой баронессой. Сама же Ольга всячески откровенничалась от того, что близко знакома с великим князем, упоминая лишь, что видела его всего один раз, на балу «милейшей Марии Изяславовны». И эта правда парадоксальным образом убедила публику, что баронесса фон Штейн вхожа в августейшую семью и на короткой ноге с самим великим князем Владимиром Александровичем...

Через неделю после открытия банка «Империял» Ольга сделала и свой весомый взнос. Три долгих месяца на водах не прошли впустую — у баронессы образовалась немалая свита поклонников. Чтобы не упасть в грязь лицом, многие из них последовали примеру «прекрасной Ольги» и тоже доверили банку в управление изрядные суммы, измерявшиеся, конечно, не сотнями тысяч, но уж точно не копейками.

Обобранные многочисленными аферами одесситы долго присматривались и «принюхивались» к новому заведению. Но банк работал, никаких сверхприбылей никому не обещал и не платил.

В тишине и спокойствии прошел почти месяц. А незадолго до ранней Пасхи 1903 года биржевые газеты, не сговариваясь, объявили о невероятном повышении котировок банка «Империял». Баронесса Ольга, маркиза Вревская, и все, кто уже внес деньги, изрядно, чтобы не сказать скандально, обогатились. Газетчики тут же сообщили об этом читателям, и... И только тогда под дверями банка выстро-

илась многометровая очередь желавших положить деньги под обещанные проценты. Многие вкладчики чувствовали себя так, словно нашли если не подлинную золотую жилу, то уж точно изрядных размеров золотой самородок.

Прошло две недели, очереди стали уменьшаться, и тут... те же «Биржевые ведомости» сообщили, что банк... лопнул! Больше всех убивалась маркиза Вревская, умудрившаяся положить под обещания «умницы Оленьки» не только остатки своего, но и немалую часть мужниного капитала. К тому же без ведома последнего.

Сама же «умница Оленька» уже неделю пребывала в Петербурге, вызванная телеграммой.

Свет тут же воззвал к полиции. Но что могла сделать эта достойная организация? Из канцелярии самого градоначальника ежедневно справлялись о ходе расследования, но в руки полиции попали только мелкие клерки. Чаще всего ими оказывались нанятые за хорошие деньги бездомные и бродяги. Подставных «банковских служащих», как выяснилось, отмывали, учили грамотно говорить и платили за работу вперед. Увы, иногда случалось и так, что эти наемные труженики были выходцами из весьма родовитых, но разорившихся семей. Судьба может шутить с человеком чрезвычайно злые шутки. Однако речь шла не о судьбе, а о том, что свою работу эти господа делали безукоризненно. И по сути у полиции не могло быть к ним никаких претензий.

Баронесса Ольга спокойно следила за перипетиями расследования из загородного поместья фон Штейнов. Когда же шум стал стихать, а газеты перестали отделяться даже стыдливými строками о том, что «следствие на верном пути», Ольга смяла газету и бросила ее в угол. На лице ее играла довольная улыбка.

— Да, господин Мишиц. Ваша придумка была чудо как хороша. Но моя, поди, поинтересней оказалась...

Ольга позвонила в колокольчик, и на пороге появилась Поленька Цабель — расторопная и умненькая падчерица ее первого мужа. Как бы ни складывались отношения Ольги с супругом, Поленьку она привечала и любила именно за то, что девушка предпочитала жить собственным рассудком, хотя нельзя сказать, что не на папенькины средства. Когда Ольга поняла, что брак себя изжил, от мужа она избавилась, а вот Поленьку приветила.

О, нет, не подумайте ничего дурного. Цабель по сию пору пребывал на этом свете: профессор консерватории — не столь рискованная судьба, чтобы расстаться с жизнью в шестьдесят с небольшим. Даже будучи женатым на такой своеобразной даме, как его вторая супруга. Конечно, нынче Цабель был практически нищ, но — жив. И этого, с точки зрения Ольги, было вполне достаточно. Скажем по чести, угрызений совести она не испытывала. Вообще говоря, угрызения эти были ей мало знакомы.

Итак, на пороге появилась Поленька, обожавшая свою мачеху. Конечно, Ольга никакой мачехой ей не была, однако девушка называла ее именно так. С некоторых пор Поля исполняла при баронессе обязанности секретаря. Шустрая, ничего не забывающая, исполнительная, но при этом отнюдь не дурочка — уже хотя бы потому, что обладала идеально спокойным характером и предпочитала без крайней необходимости рот не открывать.

— Поленька, дружочек, прикажи подать еще кофе, да побольше. Стылый сегодня день, все никак на весну не повернет... И садись, полакомись пирожными.

Поля поняла, что предстоит серьезный разговор. Не задумала ли баронесса очередную «проказу»?

— Сию минуту, душенька мачеха, — кивнула девушка.

Ольге очень нравилось, когда Поля так ее называла, — было в этом и достаточно хитрости, и достаточно уважения. В том, разумеется виде, который предпочитала сама баронесса.

Через несколько минут на столе появился второй кофейник, еще одно блюдо любимых Ольгой птифуров и тоненько порезанный лимон, который просто обожала Поля. Следом за сладостями появилась и сама девушка. Баронесса с удовольствием заметила, что та прихватила и блокнот с карандашом.

«Ах... Если бы Цабель в свое время понимал меня так, как Поленька... — про себя вздохнула баронесса. — Хотя, видимо, тогда я не стала бы Ольгой фон Штейн... И все-таки печально, что умница профессор не обладал даже толикой разума своей падчерицы...»

Где-то в глубине души Ольга была все еще привязана к профессору и даже слегка благодарна ему за то, что перезрелой девицей двадцати пяти годов взял ее замуж и вывел в свет.

«Однако, увы, не за что было его благодарить... Вывел — да толку-то чуть! Денег на наряды не давал, прическу заставлял делать дома... Об украшениях лучше и не вспоминать...»

Одним словом, профессор оказался бережливым и экономным, а Ольгины вкусы требовали на каждый выезд нового наряда и украшений. Да и, кроме выездов, ей хотелось весьма и весьма многого. Причем по большей части недешевого, чтобы не сказать невероятно дорогого. Ольгины траты Цабель пытался контролировать, но преуспел в этом немного. Тогда он стал взывать к ее разуму — и это тоже было ошибкой. Только начав записывать ее чековую книжку, он узнал, что супруга от его имени наделала кучу долгов.

Цабель долги отдал, супругу запер в неудобном, скверно отапливаемом доме — и через неделю узнал, что она буквально через два дня перешла в лютеранскую веру и что

нынче он, профессор, преподаватель и дирижер императорской консерватории, жены не имеет, а вот долгов стало только больше.

«Однако что это я о муже бывшем вспомнила? Нынешний не в пример удобнее. Да и титул... А сие такой предмет, который на тропинке не найдешь...»

— Поленька, дружок, думается мне, что после бала следовало бы отправиться на Восток...

— В британские владения, душенька? Индия? Цейлон?

— О нет, Полюшка. Значительно ближе. Быть может, Сибирью ограничусь...

— Господи, матушка! — Поля всплеснула руками. — Туда ведь каторжников отправляют да на вечные поселения ссылают. Край-то страшный, а вы... по собственной воле. Да как же отговорить-то вас? Как от беды уберечь?

— Дружочек, однако же господа ученые настаивают, что именно там и есть истоки цивилизации. Что именно от Урала на восток следует двигаться, создавая новые города и изучая огромную империю.

Поля покачала головой. Третьего дня она собственными ушами слышала эту фразу от одного из гостей дома — профессора странной науки под названием «антропология». Сам профессор чаще бывал в экспедициях, чем в столице. Собственно, его нынешний визит был только поисками достаточного финансирования задуманного им пятилетнего путешествия по Сибири до самого Тихого океана. Неужто ж мачеха с ним собралась?

«Хотя что это я? Чтобы душенька Ольга да с каким-то сморчком в места дикие вздумала отправляться? Этого и представить себе невозможно... Счастье, что быстро от папаши моего, Цабеля, смогла избавиться...»

— ... хотя это дело будущего. Нынче же собери мне сведения о банковских заведениях на востоке державы.

Полина с облегчением услышала, что поездка — «дело будущего». Она кивнула и стала записывать указания.

— Кроме того, — продолжала Ольга, — я бы хотела знать о железной дороге, что строится к Харбину. Как можно больше. Карты, сметы строительства... все, что найдешь.

Полина снова кивнула. Такое задание было внове, но удивляться не в ее правилах: похоже, баронесса ищет приложение собственным силам. Заскучала, поди, в стылой столице...

— Завтра пришлю тебе шляпку, прими. Пошли к белошвейке, пусть не позднее четвертого часа явится. Да, вот еще. Сегодня в присутствии видела я приятного и обходительного офицера. Разузнай, кто он, какова его семья, доходы... Где живет. На балу мне понадобится спутник — возможно, он подойдет.

Поленька все указания честно записывала. Про себя, впрочем, удивлялась, зачем баронессе понадобился никому не ведомый офицерик, когда половина господ военных Санкт-Петербурга по ней сохнет и каждый готов стреляться хоть сейчас.

— Далее, — снова услышала она мачеху. — Ежели появится сегодня господин Белкин, прими сама. Он сказывал, что плату принесет. Денег не бери, скажи, что я еще не закончила хлопотать: он пожелал за малые деньги получить немалую должность... А это требует времени.

Господин Белкин обивал порог всесильной баронессы Ольги уже скоро год. Полина знала, что о его должности «мачеха» хлопотать и не думала. Оно и понятно: за это время можно было занять или заработать поболее, тогда бы и баронесса поспешила его мечту исполнить.

— ... Если пришлют записку от Академии художеств, так расплатись, сколько укажут. Хотя ты же умница, все и так знаешь. Нынче меня больше всего дорога к Харбину интересуется. А теперь ступай... До девятого часа я отдыхать буду,

а после к Долгорукову поезду — там сегодня дает концерт господин Скрябин.

Полина заинтересованно подняла голову — имя этого композитора было на устах всех меломанов Петербурга. Говорили, что его талант непревзойденный, мастерство удивительное. Более того, отец Серафимий в прошлое воскресенье за обедом заметил, что сие мастерство суть бесовское и вместо восхищения следует изгнать господина Скрябина из города, а лучше и из страны, чтобы чистую русскую душу не поганил непотребными созвучиями. Ибо в музыке уже все изобретено, и незачем придумывать избыточного.

Баронесса тогда, правда, усмехнувшись, заметила, что отца Серафимия не непотребные созвучия тревожат, а вольнодумство господина Скрябина. Ибо полагается он не на промысел Божий и не на Его благодать, а исключительно на собственные силы. Да и всех к тому же призывает.

— Вы правы, матушка Ольга Димитриевна. Третьего дня в газете прочитал беседу с этим, с позволения сказать, господином. Так не поверил своим глазам. Даже выписал, чтобы голословным не быть да не перевернуть слова этакого волнодумствия. Вот-с, извольте. «Я намерен сказать людям, чтобы они... ничего не ожидали от жизни, кроме того, что сами могут себе создать... Намерен сказать им, что горевать — не о чем, что утраты нет. Чтобы они не боялись отчаяния, которое одно может породить настоящее торжество. Силен и могуч тот, кто испытал отчаяние и победил его». А, каково?

Отец Серафимий победно оглядел сотрапезников, однако за столом баронессы Ольги редко собирались люди, которых можно было назвать покорными и законопослушными, «благопристойного поведения», как сказал бы сам пастырь. Упомянутые сотрапезники, как, впрочем, и хозяйка дома, и впрямь не ожидали ничего от жизни, кроме того, что могли бы сами себе создать. А потому лишь благовоспитанно покивали, на-

Содержание

История первая. Причины всех войн	5
История вторая. Обезуметь от драгоценностей	114
История третья. Кровавая Маргаритка	191

Літературно-художнє видання

ВЯЗЕМСЬКА Ольга
Злодійка. Королеви бандитської Одеси
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*
Редактор *К. В. Новак*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Г. В. Солозуб*

Підписано до друку 20.12.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Арно Про». Ум. друк. арк. 14,28. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, Е-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ВЯЗЕМСКАЯ Ольга
Воровка. Королевы бандитской Одессы

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*
Редактор *Е. В. Новак*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Г. В. Солозуб*

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Арно Про». Усл. печ. л. 14,28. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, Е-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Одного разу до вельми шанованого в Одесі ювеліра Карла фон Меля завітала чарівна молода дама, явно з вищого світу. Назвавшись дружиною відомого психіатра, вона вибрала найвишуканіші та найдорожчі прикраси. Фон Мель і гадки не мав, що перед ним велика злодійка Сонька Золота Ручка. І що він буде втягнутий в одну з найгучніших афер ХХ століття.

У цій книзі — історії про королеви одеських банд. Сонька Золота Ручка, «баронеса» Ольга фон Штейн, юна Маргарита Дмитрівська на прізвисько «Кривава Маргаритка»... Хто вони? Жорстокі предводительки злочинних угруповань, легендарні аферистки чи просто жінки, що вишукано мстилися світові за зламані долі?

Вяземская О.

В99 Воровка. Королевы бандитской Одессы / Ольга Вяземская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 272 с.

ISBN 978-617-12-5758-0

Однажды к самому уважаемому одесскому ювелиру Карлу фон Мелю пожаловала очаровательная молодая дама, явно из высшего света. Представившись женой известного психиатра, она выбрала самые изысканные и дорогие украшения. Фон Мель и не догадывался, что перед ним великая воровка Сонька Золотая Ручка. И что он окажется втянутым в одну из самых скандальных афер ХХ века.

В этой книге — истории о королевах одесских банд. Сонька Золотая Ручка, «баронесса» Ольга фон Штейн, юная Маргарита Дмитриевская по кличке «Кривавая Маргаритка»... Кто они? Жестокие предводительницы преступных группировок, легендарные мошенницы и аферистки или просто женщины, иззябно мстившие миру за сломанные судьбы?

УДК 821.161.1.0